

Логическая природа определения в философии Гегеля

Бархатков Антон Игоревич, кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (г. Минск, Беларусь)

В статье автор исследует трактовку определения в «Науке логики» Гегеля, выявляя диалектический смысл этой категории в ее логическом, лингвистическом и культурно-антропологическом аспектах.

Ключевые слова: диалектика, немецкий идеализм, определение.

Трактовка определения в «Науке логики» Гегеля существенно отличается от его понимания в формальной логике и представляет собой конкретно-диалектическое постижение этой логической категории в связи как другими категориями диалектики, так и с той действительностью, природу которой оно выражает.

В категории определения мы имеем, по сути, ту же категорию, которая ранее представала в «Науке логики» как качество — но это качество на новом витке логического развития. Гегель определяет ее следующим образом: «Качество, которое есть «в себе» в простом нечто и сущностно находится в единстве с другим моментом этого нечто, с в-нем-бытием, можно назвать его определением, поскольку это слово в более точном его значении отличается от определенности вообще. Определение есть утвердительная определенность как в-себе-бытие, которому нечто в своем наличном бытии, противодействуя своей переплетенности с иным, которым оно было бы определено, остается адекватным, сохраняясь в своем равенстве с собой и проявляя это равенство в своем бытии-для-иного» [1, с. 185].

Определение при этом не стоит путать с простой определенностью. Определенность — значит просто наличие небытия, и в этом смысле всё, кроме чистого бытия, со-

держит такую определенность. Определение же — не просто определенность, это в-себе-бытие, т. е. внутренняя суть вещи. Однако, в-себе-бытие не существует само по себе, абстрактно. В-себе — лишь момент нечто, другим моментом которого является бытие-для-иного. Но это значит, что в-себе-бытие, внутренняя суть вещи, не остается внутри этой вещи, но с необходимостью проявляется в ее отношении к иным вещам. Определение — это то, что вещь есть по своей природе, но эта природа не остается лишь внутренней, она проявляется вовне — и в этом проявлении вещь показывает, что она есть.

А далее Гегель говорит слова, которые в русском переводе остаются не вполне понятными: «Нечто осуществляет (erfüllt) свое определение, поскольку дальнейшая определенность, многообразно вырастающая прежде всего благодаря его отношению к иному, становится его полнотой (Fülle) в соответствии с его в-себе-бытием. Определение подразумевает, что то, что нечто есть в себе, есть также и в нем» [1, с. 185].

Что в действительности означает это «осуществление определения», вернее, правильное было бы перевести, «исполнение определения»? Дело в том, что Bestimmung по-немецки значит не только «определение», но и «предназначение». Нечто есть в-себе то-то и то-то, но его пред-

назначение состоит в том, чтобы не оставаться внутри себя самого, но реализовать в действительности то, что оно есть поистине. Это древняя идея, восходящая еще к Аристотелю, а во времена Гегеля связанная, главным образом, с творчеством Гёте.

И когда Гегель говорит «*Die Bestimmung des Menschen*» — это значит не просто «определение человека», но «предназначение человека». Так, кстати, называлась одна из самых известных работ непосредственного предшественника Гегеля — Иоганна Готлиба Фихте. И, говоря о предназначении человека, Гегель на этом примере проясняет нам различие между «в-себе» и «в нём», о котором шла речь в предыдущем выпуске: «Мыслящий разум — вот определение человека; мышление вообще есть его простая определенность, ею человек отличается от животного; он есть мышление в себе, поскольку мышление отличается и от его бытия-для-иного, от его собственной природности и чувственности, которыми он непосредственно связан с иным. Но мышление есть и в нем: сам человек есть мышление, он налично сущ как мыслящий, оно его существование и действительность; и далее, так как мышление имеется в его наличном бытии, а его наличное бытие — в мышлении, то оно конкретно, его следует брать имеющим содержание и наполненным, оно мыслящий разум и таким образом оно определение человека» [1, с. 185].

С одной стороны, «мыслящий разум» — это определение человека, ведь именно своей способностью к разумному мышлению человек отличается от прочих животных. И в то же время человек ведь и сам — животное, и его разум противостоит его же животности, его же чувственной природе. Если мы рассмотрим человека конкретно, то мышление, разум окажется самым его наличным бытием. В том, как цельный человек, трудясь и преобразуя окружающий мир, относится к природе, он действует именно как мыслящее существо. Разум не остается скрытым где-то внутри человека, он проявляется в его делах — и есть «в нём», т. е. объективно, как факт, доступный наблюдению со стороны.

Но тут у нас появляется новая двойственность. Осуществление определения, или, лучше сказать, осуществление предназначения, теперь противостоит имевшему изначально в-себе-бытию. Нечто как бы разделяется на внутреннее ядро (в-себе-бытие) и внешнюю поверхность, открытую воздействиям извне, связанную с иным. Такая открытая внешним воздействиям поверхность называется «свойство»: «Переход определения и свойства друг в друга — это прежде всего снятие их различия; тем самым положено наличное бытие или нечто вообще, а так как оно результат указанного различия, заключающего в себе также и качественное инобытие, то имеются два нечто, но не только вообще иные по отношению друг к другу — в таком случае это отрицание оказалось бы еще абстрактным и относилось бы лишь к сравнению их между собой — теперь это отрицание имеется как имманентное этим нечто» [1, с. 187].

У нечто есть то, что составляет его суть, его природу, остающееся неизменным внутреннее. Но сама логическая структура нечто такова, что у него та же должна быть сторона, которой оно открыто к иному, к внешнему. И это внешнее оказывает на него воздействия, формирует его свойства. Быть открытым иному — значит становится иным, изменяться. Нечто по самой своей природе изменчиво, его свойства меняются под влиянием внешних обстоятельств. Но нечто сохраняет себя в этом изменении, остается собой несмотря на все перипетии судьбы. Вернее, так оно кажется сперва. В действительности определение и свойство далее показывают нам, что их нельзя абстрактно противопоставлять, что они суть лишь взаимосвязанные моменты целого.

Начнем с определения. Определение, внутренняя природа вещи, кажется чем-то всецело независимым от иного. Но ведь определение в том и состоит, чтобы, отталкиваясь от себя всё иное, уходить в себя, вглубь. А это значит, с иным оно всё-таки соотносится — оно оказывается открытым воздействию этого иного. На практике это означает, что, при определенных воздействиях извне, могут поменяться не только лишь поверхностные свойства нечто — сама его суть также не застрахована от изменений. Вещи меняются не только внешне, меняется сама их природа, само их определение.

Но если теперь мы возьмем нечто со стороны его открытости внешним воздействиям, со стороны свойства, и изолируем свойство от определения — мы получим то же, что ранее в «Науке логики» происходило с категорией иного самого по себе. Ведь свойство — это способ, которым нечто соотносится с чем-то иным. Это не внутренне присущее нечто бытие, это то, в чем нечто есть иное. Это способ нечто быть иным, поскольку он определен не самим нечто, а именно что этим иным. Но, будучи определено иным, свойство само становится иным, становится не тем, чем оно было. Но ведь иное, ставшее иным, становится тем же, чем оно было, соотносится с собой. А это соотношение с собой есть ничто иное, как определение. Свойство переходит в определение. Но различие между свойством и определением в то же время сохраняется, иными словами, они низведены до моментов. А значит, хотя нечто и открыто воздействиям внешних обстоятельств, но момент определения, в-себе-бытия в нем тоже присутствует. На практике это означает, что то, какие именно свойства вызовет внешнее воздействие, зависит от определения, от внутренней природы вещи.

Итак, качество и свойство перешли друг в друга — и мы снова имеем перед собой единое, тождественное себе нечто. Но это новое нечто возникло из снятия качества и свойства, а качество и свойство были способами соотношения с иным. Следовательно, нечто, которое мы получили, также должно находиться в отношении к иному — к иному нечто. Теперь у нас есть два нечто, и каждое из двух противостоящих друг другу нечто воздействует на самое сердце другого, как бы угрожает самому его бытию. Различие между нечто и иным — это вполне опреде-

ленное различие. Но это их определение — общее для нечего и иного. Такое определение, в котором сталкиваются нечто и иное, и которое их разделяет, отличает их друг от друга, называется «граница».

Итак, определение в философии Гегеля выступает как одновременно качество на новом витке развития, результат диалектики нечего и иного — и в то же время как категория, из которой непосредственно вытекает

новая категория — категория границы. Тем самым определение в логике Гегеля предстает не просто как одна из абстрактных логических операций, но как категория, не только выражающая важное свойство действительности — взаимное воздействие вещей друг на друга, затрагивающее саму их внутреннюю природу, но и содержащая существенные культурные и антропологические коннотации.

Литература:

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. — М., «Мысль», 1970.